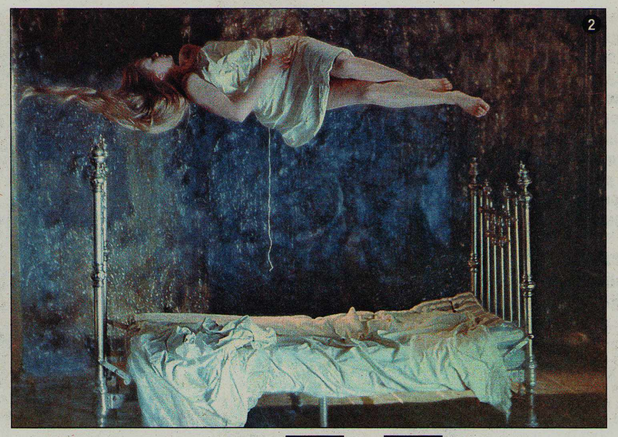

фото из архива Натальи Юнгвальд-Хилькевич

Маргарита Терехова: Мы живем в культурной яме

Маргарита Терехова в русском кино занимает редкую, прекрасную и опасную нишу роковой женщины. Иногда – даже злодейки. Но чаще той, из-за которой злодейства совершаются. Даже когда она появлялась в наивных и прямолинейных комедиях Лопе де Веги или Тирсо де Молины, даже когда играла благочестивую Марту – одним этим обычный советский двухсерийный фильм для праздничного телепоказа мгновенно преобразовывался в высокое искусство с испанскими страстями. Случались у нее и откровенные злодейки – дочь в «Монологе», Миледи в «Трех мушкетерах», – но и они всегда были роковыми, то есть злодействовали в силу рока, а не потому, что сами так плохи. Поэтому их было жалко. И все мы, смотря «Мушкетеров», отлично понимали британского офицера Фельтона, который не то чтобы ею соблазнился, а просто ее пожалел. Ясно же, что такая женщина не может хотеть ничего дурного. «Имя, sestra, имя!»

фото на развороте «Совэкспортфильм»

Вверху: кадры из фильмов с участием Маргариты Тереховой – «Здравствуй, это я» (1), «Зеркало» (2, 3); режиссер Хилькевич «клеймит» Миледи–Терехову знаком в виде лилии (4)

– Ну, это вы хватили. У меня были не только «Марта» и «Мушкетеры», но, между прочим, и «Зеркало»...

– В котором вы тоже загадочная и местами страшноватая. Вспомнить хоть, как вы моете голову и как потолок обваливается...

– Это, голубчик, у вас остатки детского восприятия, когда вы впервые смотрели картину и боялись всего непонятного. Тарковский почему-то выглядел грозным для тех, кто его не понимал. Вот тогдашний министр кинематографии Ермаш – это был совершенный народный мститель, человек, который никогда не мог преодолеть личной неприязни к мастеру, если этот мастер был выше его понимания, – он прямо после просмотра сказал: «Не по-нима-ю!», и все... И какая судьба могла быть у картины после этого? Тарковского считали врагом – а какой он враг? На съемках мучился только он сам, все рядом с ним расцветали.

– Он вам каким-то образом объяснял задачу? Согласитесь, картина не самая простая...

– Начиная съемки, он еще не был уверен, что остановится именно на мне. К счастью, я об этом не знала. А он знал – и, снимая первую сцену с Солоницыным и мной, все еще метался между несколькими вариантами. Но не объяснял он ничего, потому что в жизни, если вы заметили, вообще ничего не надо объяснять. Человек влияет на другого не словами, а – вот не знаю, как это назвать. Может быть, собственной убежденностью в том, что надо сделать так, а не иначе. Ведь когда вам предлагают работу или соблазняют авантюрой – вы смотрите на то, горит ли этот человек собственной идеей, нужна ли она ему самому. Тарковскому ничего не надо было рассказывать, он просто мог к вам прикоснуться – и уходила вся нервозность, весь наигрыш, вообще все лишнее. Вот мы переснимали сцену в типографии – ту, с Демидовой, где матери приснилось, что она пропустила в сталинские годы страшную и смешную опечатку...

– Всегда хотел вас спросить, что за опечатка. Эта вот, знаменитая, из анекдота – «Сралин»?

– Да, она – хорошо, что вы сами сказали... Ну вот, мы переснимаем эту сцену, и я наотрез не помню, что Тарковский говорил Рербергу и мне. И однако Рерберг лучше поставил свет, я лучше сыграла...

Он и на «Гамлете» ничего не объяснял. И однако все ощущения от спектакля живут во мне, я до сих пор дрожу, даже просто рассказывая вам, какой там был финал. Этого спектакля почти никто не видел – было несколько десятков представлений, и Андрей Арсеньевич сам снял его. Снял, потому что видел – спектакль не очень нравится Захарову, вовсе не нравится начальству, хотя публика валила на него... Он планировал менять нас ролями – Инна Чурикова была Офелией, я – Гертрудой, – в общем, это могло стать театральной легендой. Труднее всех было Солоницыну – Гамлету: он так и не успел обжиться в роли.

«А Миледи спасала Францию!»

– Я не очень представляю, каково было вам на фоне всего этого играть Миледи. Мне многие – от Старыгина до Смехова – рассказывали, что не относились к «Мушкетерам» серьезно, а вышло – на тебе! – культовое кино...

– Голубчик, вы вообще замечали, что они страшные кокетки, все четверо? Ни один артист ни к одной роли не относится как к откровенной халтуре. Все очень серьезно пробовались, и хотели, чтобы их утвердили, и честно делали свою работу – почему все и получилось. Я попала на эту роль случайно, но я люблю вообще выскакивать в последний момент – когда не надо проб, утверждений, согласований и прочего. Должна была играть Соловей, но ее не отпустил Михалков – он в этот момент снимал «Обломова».

– Соловей?!

– Да, представьте себе, и это была бы отличная, страшная, сладкая Миледи, но работать пришлось мне, и я считаю картину вполне удачной. Не я одна – во всей Южной Америке это, что называется, культовое кино (определение, которого терпеть не могу). На переговорах с Юнгвальд-Хилькевичем, режиссером, я была одета ровно как Миледи – этот костюм потом прямо перешел в картину, эти черные штаны – от Зайцева, между прочим... Хилькевич был от сценария в ужасе; авторы пусть меня побьют – они живы и дееспособны, – но я и сейчас скажу, что это была готовая оперетта и я в этой пошлятине играть не собиралась. Так и сказала. Хилькевич радостно воскликнул: «Слава Богу! Ты уже второй человек!» В общем, мы многое сумели восстановить и выправили даже некоторые огрехи Дюма. Он сильно погрешил против исторической истины. У него выходит, что Ришелье Францию губил, а Анна Австрийская спасала. Ничего подобного! В «Артеке» вам покажут домик Миледи, она была вполне реальным лицом...

– Я сам со своим отрядом искал под Аю-Дагом ее сокровища!

– Ну вот видите. Поехал бы в «Артек» плохой человек?! Нет, если серьезно, она была одной из двух его агенток (Дюма свел два женских образа в один), ее знали под кличкой Миледи, настоящего имени история не сохранила, и она-то как раз спасала Францию от измены. А Анна Австрийская губила страну, заигрывала с ее врагами...

> **Подождите, народятся новые, и мы опять увидим великое искусство... если не успеют отнять свободу.**

– Да ладно, вам просто надо как-то ее для себя оправдать...

– Клянусь – я изучала вопрос. Больше того, из картины вообще ушла оперетточность.

– А кто написал знаменитое «Бросьте жертву в пасть Ваала, киньте мученицу львам»?

– Я принесла на съемки Лопе де Вегу, это из него цитата. Вообще вхождение в роль было самое серьезное – вплоть до того, что у меня на плече проступило красное пятно в форме лилии. Хилькевич был потрясен – кричал, чтобы все немедленно сбежались смотреть...

– Слушайте, но это уже почти стигматы!

– Ничего сверхъестественного, с артистами бывает сплошь и рядом. Художнику в самом деле потребовалось только обвести уже появившуюся лилию.

– А правда, что играешь – то с тобой и случится? Поэтому нельзя играть смерть, развод...

– Чушь какая! Весь мировой трагический театр опровергает эту суеверную выдумку. Наоборот, от очень многих вещей можно себя оградить, если заранее их сыграть – и понять, как это бывает...

– Что вы за последнее время сделали в кино? Я давно не видел ваших новых ролей.

– Это не роль, а фильм. В 2002–2003 годах я сняла «Чайку».

– Где ее посмотреть?

– Если хотите, на «Горбушке» – там она продается, попав к пиратам неведомыми путями, но это, конечно, далеко от окончательного варианта. А окончательный так и не готов – мы собираемся переводить материал на цифру, обрабатывать, перезаписывать, в начале будущего года закончим. Рекомендую, это хороший фильм.

– Вы меня, Маргарита Борисовна, простите тысячу раз, но я не очень понимаю, что за удовольствие снимать эту вещь, вдоль и поперек поставленную во всем мире. Это не пьеса, а какой-то акт личной мести Лике Мизиновой за то, что она ушла к Потапенко...

– Голубчик, кто вам это сказал?! Чехов никогда не был серьезно влюблен в Лику Мизинову!

– А в кого?

– В Лидию Авилову. Она была уже замужем, в год рожала по ребенку, сама писала рассказы и посылала Чехову. И была несчастлива и не особенно красива – он никогда не влюбился бы в эффектную красавицу с роскошными белокурыми волосами, какой была Лика. Он не влюблялся в девушек этого возраста. Его привлекали женщины с судьбой. А «Чайка»... Из всей мизиновской биографии там одна деталь: Нина, если помните, теряет ребенка. Лика тоже потеряла. Чехов это считал ее виной, потому что к детям у него было отношение особое.

– А почему фильм, снятый два года назад, до сих пор фактически на полке? Вас ведь, я слышал, звали с ним на фестивали...

– Нас приглашал Карден на смотр русского кино, который он сам проводит. Когда мы показывали материал Александру Голутве – руководителю Госкино, он после просмотра повернул ко мне счастливое лицо, и все ему нравилось. А когда Карден формировал свою программу, Александр Алексеевич ему сказал, что фильм устарел и Чехов тоже...

– Я слышал, что вы готовились ставить «Без вины виноватых»...

– Собиралась и даже планировала играть, но в последний момент это сорвалось. Может быть, еще в Питере сделаю.

– Простите меня еще раз, но вот этого я уж совсем не понимаю. Ладно – Чехов, но почему с вашим темпераментом, с вашей...

– Про меня я все знаю, давайте не подслащивайте заготовленную гадость.

– Гадость в том, что надо про сейчас! Надо делать современную вещь, кино снимать про реальность – ведь русская классика не выдерживает уже, трещит по швам!

– Вы давно открывали Островского?

– Давно.

– Умоляю, перечитайте. Ведь главная драматургия Островского – это люди шестидесятых годов. Размягченные люди, потянувшиеся друг к другу: начало александровских времен, после Николая все ожили, все бродит, бредит, очеловечивается... Люди разговаривают живым, нынешним языком! Кручинина – лучший образ актрисы во всем русском искусстве. Гиперэмоциональная, все чувства через край. Только глядя на эту ее порывистость и можно понять, что она великая актриса!

– А Незнамов этот, с его пошлостями, с его «Я хочу выпить за матерей, которые бросают своих детей»?

– Ну его же подпоили, голубчик! И потом, не забывайте: актер таким и должен быть. Это такая профессия; и все, что мы говорим вне театра, тоже продиктовано театральным нашим опытом. Но внутри, не обольщайтесь, мы все очень трезво соображаем...

«Возраст – это миф»

– Я понимаю, что вопрос не самый этичный, но до каких лет все-таки возможно оставаться на сцене? Вы играли с Раневской в «Дальше – тишина», многие вспоминают, что на нее было страшно смотреть, хотя это и работало на замысел...

– Нельзя судить по телеверсии. Раневская панически боялась телевидения, не хотела снимать этот спектакль вообще, там на ней тонны грима, все это видно, свет плохо стоит... Но уверяю вас, что когда Раневская была на сцене – это было чистое волшебство, и неважно было, сколько ей лет. Нет никакого возраста, это миф, его люди придумали. Артистов это не касается. Они только сами могут решить, когда уходить...

– И что вы для себя решили?

– Я уже сейчас собираюсь заниматься в основном режиссурой.

– В театре вас часто заставляли играть современные роли – хотя, мне кажется, это совсем не ваше. В кино вы оторвались, а что вам нравилось из театральных ролей?

– Больше всего – «Царская охота».

– С Марковым?

– Да. Мощнейшим актером на моей памяти.

– И вам нравилась эта, так сказать, девушка? Тараканова, самозванка...

– Очень нравилась. Она необыкновенное существо, соблазненное и брошенное. И надо еще доказать, что она самозванка.

– Ну, тут вы ее реабилитируете, как и свою Миледи...

– А кто ей присылал все время огромные деньги?! Она явно была связана с царским родом, и какие-то люди в Европе поддерживали ее. И Екатерина не просто так ее опасалась. Главное же – она была изумительно красива и влюбчива и верила в любовь. И обратите внимание – когда я играла самозванку, на спектакле были все представители дипломатических корпусов, и никто к нам не заходил за кулисы после представления. После всех спектаклей заходили – а после этого нет: почему, как думаете?

– Потому что это история о том, как дипломатия убила прекрасную женщину.

– То-то и оно. Екатерину Великую напрасно изображают благодетельной и просвещенной монархиней – «век золотой Екатерины»... Она была довольно примитивна и долго правила, и народ от нее устал.

«Лучшие просто не дожили»

– Вас перестройка застала буквально на пике карьеры. Вам не показалось, что время переломилось, что настала страшно примитивная пора? Что свобода не возродила, а убила культуру?

– Э, нет. Знаете, что во времена, когда началась свобода, в России стали обновляться иконы? Это великий знак, великая радость! Свобода всегда благотворна, и целительна, и необходима – но что же делать, если лучшие люди не дожили. Они просто не успели. Их убило это долгое время, казавшееся бесконечным, – то, что называлось застоем и что было гораздо страшней, чем это мирное слово. Это было гнилое болото, в испарениях которого иногда и расцветала, может быть, великая культура – но тут же и задыхалась. И Андрей Тарковский, и Георгий Рерберг, и Леонид Марков – все они просто надорвались за годы ожидания. Поэтому и произошла культурная яма, в которой мы живем. А вовсе не потому, что свобода не благотворна. Подождите, народятся новые – собственно, уже нарождаются, – и мы опять увидим великое искусство... если не успеют отнять свободу. Свободу обычно отбирают быстрей, чем успевает самовоспроизвестись самая тонкая материя – искусство, люди, способные его творить.

А у меня... что у меня? Я дожила. Ничего плохого со мной не случилось.

Дмитрий Быков.